

Таким образом, после войны производственная структура подразделений УИТЛК-ОИТК УМВД на Европейском Севере России не претерпела существенных изменений по сравнению с довоенным и военным периодами. При этом следует отметить, что анализ производственной деятельности ИТК дает возможность сформировать более полное представление об экономике ГУЛАГа

в 1946–1953 гг. Исследовательские усилия, предпринимаемые в данном направлении, позволяют говорить о неполном соответствии советской пенитенциарной системы потребностям мобилизационной экономики СССР, что в конечном итоге предопределило кризис и распад ГУЛАГа в постсталинский период.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док.: В 7 т. / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М., 2004. Т. 3: Экономика ГУЛАГа. С. 32.

² См.: Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 3150. Л. 43.

³ См.: Там же. Л. 1–2.

⁴ См.: Там же. Д. 3158. Л. 6.

⁵ См.: Там же. Л. 56.

⁶ См.: Там же. Л. 57.

⁷ См.: Там же. Л. 57об.

⁸ См.: Там же. Л. 58об.

⁹ См.: Там же. Л. 105об.

¹⁰ Подсчитано по: Там же. Оп. 1а. Д. 438. Л. 1–35.

¹¹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 1312. Л. 5–32.

¹² См.: Там же. Д. 3158. Л. 69.

¹³ См.: Там же. Д. 3150. Л. 96.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Там же. Д. 3176. Л. 43.

¹⁶ См.: Там же. Д. 3150. Л. 103.

¹⁷ См.: Там же. Д. 3192. Л. 5об.

¹⁸ См.: Там же. Д. 3168. Л. 55об.

¹⁹ См.: Там же. Оп. 1а. Д. 467. Л. 83–108.

²⁰ См.: Там же. Оп. 1. Д. 3158. Л. 126.

¹ Sm.: Istorija stalinskogo GULAGA. Konec 1920-h – pervaja polovina 1950-h godov: Sobr. dok.: V 7 t. / Otv. red. i sost. O.V. Hlevnjuk. M., 2004. T. 3: Jekonomika GULAGA. S. 32.

² Sm.: Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. F. R-9414. Op. 1. D. 3150. L. 43.

³ Sm.: Tam zhe. L. 1–2.

⁴ Sm.: Tam zhe. D. 3158. L. 6.

⁵ Sm.: Tam zhe. L. 56.

⁶ Sm.: Tam zhe. L. 57.

⁷ Sm.: Tam zhe. L. 57ob.

⁸ Sm.: Tam zhe. L. 58ob.

⁹ Sm.: Tam zhe. L. 105ob.

¹⁰ Podschitano po: Tam zhe. Op. 1a. D. 438. L. 1–35.

¹¹ Sm.: Tam zhe. Op. 1. D. 1312. L. 5–32.

¹² Sm.: Tam zhe. D. 3158. L. 69.

¹³ Sm.: Tam zhe. D. 3150. L. 96.

¹⁴ Sm.: Tam zhe.

¹⁵ Sm.: Tam zhe. D. 3176. L. 43.

¹⁶ Sm.: Tam zhe. D. 3150. L. 103.

¹⁷ Sm.: Tam zhe. D. 3192. L. 5ob.

¹⁸ Sm.: Tam zhe. D. 3168. L. 55ob.

¹⁹ Sm.: Tam zhe. Op. 1a. D. 467. L. 83–108.

²⁰ Sm.: Tam zhe. Op. 1. D. 3158. L. 126.

УДК 343.255:48.06

Практика применения телесных наказаний Русской православной церковью в имперский период

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В статье рассматривается эволюция применения телесных наказаний церковными судами. Сопоставление норм канонического права и сложившейся церковно-судебной практики в имперский период подтвердило усиление внутреннего кризиса Русской православной церкви, где телесные наказания использовались как превентивное средство борьбы с различными пороками.

Ключевые слова: Русская православная церковь; телесные наказания; устрашение; криминальная юрисдикция; позорящие наказания; членовредительство; архиерейский суд.

The practice of corporal punishment by the Russian Orthodox Church in the imperial period

A.R. PAVLUSHKOV – Associate Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in History, Associate Professor

The article describes evolution of the use of corporal punishment by church courts. Comparison of the norms of canon law and church-established jurisprudence has confirmed the strengthening of the internal crisis of the Russian Orthodox Church, where corporal punishment is used as a preventative tool to combat a variety of defects in the imperial period.

Key words: Russian Orthodox Church; corporal punishment; intimidation; criminal jurisdiction; shameful punishment; self-mutilation; the bishop's court.

Телесные наказания – форма репрессии, которую широко применяло государство в различных целях: для причинения физических страданий, «осрамления» (то есть «опозоривания») и устрашения¹. Церковные суды использовали меры физического воздействия достаточно редко и как крайнюю меру за совершение некоторых преступлений. Это было обусловлено тем, что, во-первых, большая часть криминальных преступлений, за совершение которых назначались физические санкции, относилась к юрисдикции государства, во-вторых, церковные наказания имели иную внутреннюю природу, связанную прежде всего с духовным очищением. В этом смысле меры физического воздействия вступали в противоречие с каноническими установлениями древней церкви. Их можно было рассматривать скорее как исключение.

Вместе с тем практика применения телесных наказаний духовными властями была достаточно распространена, особенно в досинодальный период, о чем свидетельствуют архивные материалы. Как правило, они назначались по личному распоряжению архиерея и осуществлялись публично во дворе архиерейского дома. Объяснить сложившуюся практику можно большими полномочиями церковного суда, компетенция которого расширялась до XVII в. включительно. В имперский период произошла секуляризация судебных прав церкви. Ее юрисдикция стала сокращаться, что фактически привело к постепенной утрате карательных мер.

Процесс отказа от телесных наказаний происходил довольно сложно. Епархиальные архиереи, будучи полновластными руководителями, порой злоупотребляли собственным положением, продолжая использовать телесные наказания по своему усмотрению.

Формальные основания для применения телесных наказаний давали и церковные источники. Например, Духовный регламент 1721 г. разрешал их использование в двух случаях: для «предотвращения суеверий и глупостей» и наказания семинаристов. Последних наказывал префект, занимавшийся их воспитанием. Он следил за порядком в

помещениях и осуществлял надзор за поведением семинаристов. Малые розги применялись в отношении учащихся, замеченных в сквернословии, драках и самовольных отлучках. Регламент давал право префекту самостоятельно назначать телесное наказание, сочетая его со «словом угрожающим». Ректор также имел право применять физические наказания при подаче доклада фискалом, который назначался для «лучшего управления академией» и обязан был сообщать обо всех нарушениях². Наказание учащихся розгами использовалось и в XIX столетии, особенно в светских школьных образовательных учреждениях³. По свидетельству митрополита Московского Платона (Левшина), за непочтение начальству розгами могли наказывать и преподавателя семинарии⁴.

Аналогичная система наказаний существовала и в школах, организованных при монастырях. В число учеников записывали наиболее подготовленных монахов. В соответствии с распоряжением Синода по организации работы семинарии директорам монастырских семинарий давалось поручение «написать собственные наказания и смирения, различным винам приличные». К числу правонарушений, за которые рекомендовалось назначать наказания, относились ослушание, лень, ссоры, пьянство. Приказ о наказании отдавал непосредственно архимандрит после доклада директора⁵.

Духовные власти самостоятельно выбирали форму наказания за дисциплинарные нарушения (епархиальный суд, архиерей, благочинный). Военский артикул предоставлял старшему священнослужителю право выбирать наказания за мелкие правонарушения военным священникам (артикул 14)⁶. Решения Правительствующего Синода изобилуют примерами назначения телесных наказаний за различные дисциплинарные нарушения духовенства. В качестве инструмента использовались батоги, шелепы, розги, плеть, палки, спицрутены⁷, цепки⁸. Наиболее были распространены наказания розгами и плетями.

Как показывает судебная практика, назначали данные наказания за самые разно-

образные правонарушения: игнорирование предписаний Святейшего Синода, составление ложных доносов, «написание укоризненных слов в адрес духовного правительства»⁹, «посещение кабака и чтение там ектеньи, употребление хмельных напитков и слушание непристойных слов»¹⁰, «содействие в незаконном пострижении крестьянина, не имевшего при себе свидетельства личности»¹¹, сочинение «ложного извета»¹², «поношение Синода»¹³, «непомерное пьянство и непослушание»¹⁴. Большая часть указанных нарушений относилась к разряду дисциплинарных проступков. Суровость наказания объяснялась конкретными обстоятельствами дела, личностью обвиняемого, рецидивностью.

Были и необычные случаи телесных наказаний. В 1731 г. был наказан шелепами бывший дьякон за «самовольное поступление охотником по найму от крестьян в солдаты» и получение от крестьянского схода 16 руб. за выставление собственной кандидатуры в качестве рекрута. Синод назвал поступок обвиняемого «бесстыдной предрезостью... унизившей дьяконский чин ради временного прибытка», после чего он был подвергнут телесному наказанию и сослан в Сибирь на горные заводы¹⁵.

Следует обратить внимание на то, что в большинстве указанных случаев церковное законодательство прямо не предписывало применение телесных наказаний. Общая практика их назначения складывалась на основе широких судебных полномочий епархиальных архиереев.

Реже телесные наказания использовались за мелкие проступки, совершенные во время богослужения. К такой мере обычно прибегали после предварительно назначенных штрафных санкций, которые не имели успеха. Гораздо чаще батоги и розги применялись для борьбы с пьянством или за совершение уголовных преступлений. Так, лишенный звания за кражу церковной утвари бывший священник был подвергнут пытке и «истязанию крепкими плетями» в духовной дикастерии, после чего его отправили в дальний монастырь на вечные работы¹⁶.

Физическое воздействие на духовных лиц, замеченных в пьянстве, было весьма распространено на Европейском Севере России. Основаниями для применения этой меры служили не только постановления Синода, имеющие общий характер, но и его адресные распоряжения, относящиеся к деятельности архиереев. Например, в 1729 г. Синод дал поручение епископу Устюжско-

му и Тотемскому Лаврентию наказывать за пьянство священников плетями в архиерейском доме и брать с них письменное обязательство «впредь не пьянствовать и предрезостей не говорить», после чего ссылать на смирение в местный монастырь¹⁷.

Телесные наказания можно рассматривать как превентивную меру по борьбе с различными пороками в среде духовенства. Особенно это касалось поведения священников, которые по своим обязанностям должны были прививать народу кротость и благонравие. Закон требовал от них «сохранения благообразия под страхом жестоких истязаний». К порокам, за которые рекомендовалось применять «жестокие наказания», относились сон в церкви или на улице, пьянство, ссоры с местным населением, участие в кулачных боях, посещение кабаков, демонстрация «храбрости к питью», нарушение тишины на улицах¹⁸. Однако, если судить по общему количеству и интенсивности распоряжений духовного правительства, можно сделать вывод, что активное применение телесных наказаний не давало должного эффекта.

Показательны были публичные порки церковных служащих в присутственных местах Синода или консистории за различные провинности: прогулы, служебные подлоги¹⁹. Даже после грубых нарушений отстранение от должности в XVIII в. происходило редко, что объяснялось нехваткой квалифицированных кадров, поэтому церковное руководство активно использовало разные формы воздействия. Порка была наиболее простым средством, имеющим различные цели. Она производилась в присутствии других канцелярских служащих, чтобы внушить им определенный страх. Публичное битье кнутом священнослужителей, монахов осуществлялось в присутствии тех, на кого направлена была данная профилактическая мера, то есть в присутствии братии или представителей клира²⁰.

Достаточно часто физические истязания использовали для наказания по обвинению в присвоении церковных денег священников, казначеев монастырей, инквизиторов и других должностных лиц, имевших непосредственное отношение к сбору финансовых средств. Так, в 1722 г. по распоряжению Синода в Церковный приказ был отправлен секретарь Василий Федоров по делу о растрате им государственных сборов в размере 27 руб. 12 алтын (он взимал штрафы с неявившихся на исповедь). На правее же он нахо-

дился 15 недель, периодически подвергаясь битью плетью (по приказу судьи архимандрита Антония). Через четыре месяца он был отпущен на короткий срок для сбора денег, чтобы вернуть долг казне. В. Федоров обратился с просьбой в Синод о помощи, где писал, что «одержим скорбью» и просит простить его растрату. Синод в помощи отказал, постановив, что деньги нужно вернуть в казну в срок, в противном случае он будет отослан на галерные работы²¹.

Телесные наказания растратчиков церковных денег практиковались повсеместно. Дела такого рода относились уже к ведению государства, а покушение на церковные деньги расценивалось как уголовное преступление с той лишь особенностью, что преступнику давали возможность в добровольном порядке компенсировать растрату.

Физические меры воздействия применяли и как дополнение к более суровым формам наказания, например при ссылке в монастырь либо отправке на каторгу или галерные работы. Назначение уголовных наказаний в отношении представителей клира имело сложный, многоступенчатый характер и сопровождалось одновременным исполнением нескольких наказаний. Монах Игнатий за «разглашение им ложного видения» был лишен монашеского чина, после чего по определению Юстиц-коллегии его били на правеже, а по приговору вырвали ноздри и отправили на галеры²². Такое решение соответствовало постановлению Синода о ссылке на галеры «до конца жизни лиц, виновных в оглашении чуда для своего прибытка и ради славы»²³. Церковное законодательство прямо указывало, что при отстранении от должности священнослужителей и церковнослужителей за клевету их первоначально «подобает истязать»²⁴, а лишь затем отвергать от церкви.

Применение телесных наказаний на правеже допускалось нормами светского права в случае запирательства обвиняемых²⁵. В XVIII в. разрешалось применение пытки и в отношении представителей духовенства, но при уведомлении об этом епархиального архиерея. Такая мера применялась за совер-

шение государственных или уголовных преступлений. Указ 1756 г. уточнил, что пытка по отношению к представителям духовенства возможна только после снятия с них сана²⁶. Законодательство того времени не давало определения пытки, что порождало свободную трактовку многих указов, приводило к коллизиям и правовому произволу. Например, согласно указу Сената от 23.08.1742 г., несовершеннолетних, отправляемых в монастыри за уголовные преступления, запрещалось пытать, но разрешалось наказывать батогами и плетью, которые формально относились к числу средств, применяемых при производстве правежа²⁷. Такие противоречия были нередки.

Со второй половины XVIII в. наблюдается тенденция к ограничению применения телесных наказаний. В 1767 г. они были запрещены в отношении священников и иеромонахов, что было подтверждено указом Синода в 1771 г.²⁸ В то же время единого мнения об использовании телесных наказаний не было сформировано. Даже Екатерина II признавала целесообразным применение пытки в исключительных случаях в силу того, что «пытаемый человек не властен над собой, и ему можно больше верить»²⁹.

В XIX в. наметилась тенденция ограничения телесных наказаний. В 1801 г. от них были освобождены диаконы, в 1808 г. – жены священников, в 1811 г. – монахи, в 1835 г. – дети священников, в 1842 г. – чиновники, имеющие награды. Были усовершенствованы наручники, которые по прибытии к месту заключения снимали³⁰. Однако в XIX столетии свидетельств об употреблении телесных наказаний по отношению к клиру можно встретить с избытком, что говорит только об одном – в некоторых случаях розги и плетью по-прежнему считались самым надежным и эффективным средством воздействия.

Таким образом, использование телесных наказаний Русской православной церковью подтверждало сложившуюся неканоническую практику, имевшую целью борьбу с дисциплинарными нарушениями и пороками духовенства. Широкое использование такой меры говорило об упадке нравственного состояния клира и общества в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2006. С. 667.

² См.: Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1904. С. 48, 58–61.

³ См.: Засодимский П.В. Из моих воспоминаний // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда, конец XVIII – начало XX вв. Вологда, 1997. С. 74–83; Попов А. Мелочи ар-

¹ См.: Брокгауз Ф., Ефрон И. Иллюстрированный энциклопедический словарь. М., 2006. С. 667.

² См.: Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. М., 1904. С. 48, 58–61.

³ См.: Засодимский П.В. Из моих воспоминаний // Вологда в воспоминаниях и путевых записках. Вологда, конец XVIII – начало XX вв. Вологда, 1997. С. 74–83; Попов А. Мелочи ар-

хиерейской жизни XVII–XVIII вв. Из прошлого Архангельской епархии. Архангельск, 1914.

⁴ См.: Карташев А.В. История Русской Церкви: В 2 т. М., 2000. Т. 2. С. 693.

⁵ См.: ПСПиР. СПб., 1876. Т. 4. № 1197. С. 60.

⁶ См.: Артикул Воинский // ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 4.

⁷ Шпицрутены применялись для наказания полковых священников.

⁸ Цепки – особый вид плети из нескольких веревок, концы которых обрабатывались смолой (см.: Знаменский П.В. Приходское духовенство. СПб., 2003. С. 594).

⁹ ПСПиР. СПб., 1890. Т. 7. № 2342. С. 112.

¹⁰ Там же. № 2367. С. 148.

¹¹ Там же. № 2399. С. 197.

¹² Там же. Т. 4. № 1191. С. 51.

¹³ Там же. Т. 5. № 1600. С. 133.

¹⁴ Там же. № 1820. С. 395.

¹⁵ См.: Там же. Т. 7. № 2503. С. 383–386.

¹⁶ См.: Там же. 1889. Т. 6. № 2234. С. 355–356.

¹⁷ См.: Там же. № 2210. С. 309.

¹⁸ См.: Там же. 1872. Т. 2. № 582.

¹⁹ См.: Там же. Т. 5. № 1600. С. 133.

²⁰ См.: Там же. Т. 2. № 1936. С. 524.

²¹ См.: Там же. № 354. С. 12.

²² См.: Там же. № 612. С. 273.

²³ Там же. № 532. С. 176.

²⁴ Там же. Т. 6. № 2132. С. 182.

²⁵ См.: ПСЗ-I. Т. 1. № 561. С. 946.

²⁶ См.: Там же. Т. 14. № 10650. С. 665–666.

²⁷ См.: Там же. Т. 11. № 8601. С. 641.

²⁸ См.: Там же. Т. 19. № 13609. С. 272.

²⁹ Там же. Т. 18. № 12949. С. 224.

³⁰ См.: Там же. № 5607. С. 614.

arhierejskoj zhizni XVII–XVIII v. Iz proshlogo Arhangel'skoj eparhii. Arhangel'sk, 1914.

⁴ См.: Kartashev A.V. Istorija Russkoj Cerkvi: V 2 t. M., 2000. T. 2. S. 693.

⁵ См.: PSpIR. SPb., 1876. T. 4. № 1197. S. 60.

⁶ См.: Artikel Voinskij // PSZ-I. SPb., 1830. T. 4.

⁷ Shpicruteny primenjalis' dlja nakazanija polkovyh svjashhennikov.

⁸ Cepki – osobyj vid pleti iz neskol'kih verevok, koncy kotoryh obrabatyvalis' smoloj (sm.: Znamenskij P.V. Prihodskoe duhovenstvo. SPb., 2003. S. 594).

⁹ PSpIR. SPb., 1890. T. 7. № 2342. S. 112.

¹⁰ Tam zhe. № 2367. S. 148.

¹¹ Tam zhe. № 2399. S. 197.

¹² Tam zhe. T. 4. № 1191. S. 51.

¹³ Tam zhe. T. 5. № 1600. S. 133.

¹⁴ Tam zhe. № 1820. S. 395.

¹⁵ См.: Там же. Т. 7. № 2503. С. 383–386.

¹⁶ См.: Там же. 1889. Т. 6. № 2234. С. 355–356.

¹⁷ См.: Там же. № 2210. С. 309.

¹⁸ См.: Там же. 1872. Т. 2. № 582.

¹⁹ См.: Там же. Т. 5. № 1600. С. 133.

²⁰ См.: Там же. Т. 2. № 1936. С. 524.

²¹ См.: Там же. № 354. С. 12.

²² См.: Там же. № 612. С. 273.

²³ Там же. № 532. С. 176.

²⁴ Там же. Т. 6. № 2132. С. 182.

²⁵ См.: PSZ-I. Т. 1. № 561. С. 946.

²⁶ См.: Там же. Т. 14. № 10650. С. 665–666.

²⁷ См.: Там же. Т. 11. № 8601. С. 641.

²⁸ См.: Там же. Т. 19. № 13609. С. 272.

²⁹ Там же. Т. 18. № 12949. С. 224.

³⁰ См.: Там же. № 5607. С. 614.